

УДК 070 : 351.751 (57) (091)
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-74-88

Цензурная практика в отношении сибирской периодической печати последней трети XIX – начала XX века

Е. А. Невмержицкая, В. Ю. Рабинович

*Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия*

Аннотация

Исследуется содержание материалов сибирской прессы последней трети XIX – начала XX в., обращавших на себя внимание местной цензуры. Определен и рассмотрен круг тем, запрещавшихся к печати или вызывавших переписку представителей сибирской администрации, их количественное соотношение. Дан сравнительный анализ местной цензурной практики до изменений в правовом положении печати 24 ноября 1905 г. и после. До 1905 г. ее характерной чертой являлось повышенное внимание к содержащимся в заметках и корреспонденциях конкретным фактам, задевающим интересы местных должностных лиц и государственных учреждений, и незначительное – к общим рассуждениям о недостатках последних. С 1905 г. внимание местной цензуры смещается в сторону статей общего критического характера, количество которых резко увеличивается и преобладает за счет появления революционной тематики.

Ключевые слова

история сибирской цензуры, власть, сибирская пресса последней трети XIX – начала XX в.

Для цитирования

Невмержицкая Е. А., Рабинович В. Ю. Цензурная практика в отношении сибирской периодической печати последней трети XIX – начала XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 74–88. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-74-88

Materials of Siberian Periodicals in the Late 19th – Early 20th Centuries: Censorship Practice

E. A. Nevmerzhtskaya, V. Yu. Rabinovich

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation*

Abstract

The article analyzes the Siberian press of the last third of the 19th – early 20th centuries, which was banned from publishing, or, already being published, caused the scrutiny of the local administration. The study reveals typical features of the Siberian censorship practice until November 24, 1905 and after that, when the legal position of the press changed. The research is based on the examination of 387 items from 32 Siberian publications, that were censored. For the unit of material we take a separate genre unit, which served as the content of the printed issue. Up to 1905 the local censorship most of all paid attention to the notes and correspondence that contained descriptions of specific cases of abuse by officials and state institutions. They constitute the vast majority of the identified materials. In the first place, these are reports of various incidents (people's disasters, crimes, disorders in public institutions), directly or indirectly indicating the negligence and inaction of the authorities, in the second – information about the abuse of power. The larger number of such publications are connected with the officials of the lowest level. Attacks on the highest

© Е. А. Невмержицкая, В. Ю. Рабинович, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 8: History

level of local administration have a single character. There is no big quantitative and qualitative difference between the forbidden materials and the ones inadvertently admitted to publishing. Since 1905, the quantitative ratio of items changed towards a significant increase in articles of general critical nature, with the predomination of the revolutionary materials. Until 1905, the work of the censorship mechanism in Siberia was characterized not only by prohibitions of materials, but also by verification of facts of the content or investigation; the number of court cases was insignificant. After 1905 the actions of censorship acquire mostly punitive character: lawsuits evolved into a crucial method of influence on press.

Keywords

history of Siberian censorship, power, Siberian press of the last third of 19th –beginning of 20th centuries

For citation

Nevmerzhitskaya E. A., Rabinovich V. Yu. Materials of Siberian Periodicals in the the Late 19th – Early 20th Centuries: Censorship Practice. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 8: History, p. 74–88. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-74-88

Вопросы функционирования института цензуры в Сибири, неразрывно связанные с продолжающимся изучением истории дореволюционной сибирской журналистики, представляют собой достаточно большое поле для исследователя. Сегодня ведется планомерная работа по пересмотру прежних концепций: от крайне и однозначно негативных оценок советского времени современные авторы переходят к более осторожным и взвешенным выводам относительно места и роли института провинциальной цензуры в Российской империи. Исследованиями различных аспектов истории российской цензуры в этом направлении успешно занимаются такие ученые, как Г. В. Жирков [2001], В. Ф. Блохин [2009], Н. Г. Патрушева [2013], Н. А. Гринченко [2013] и ряд других. Весомый вклад в изучение вопроса также вносят издающиеся сборники научных трудов серии «Цензура в России: история и современность». Что касается исследований по истории сибирской цензуры в имперский период, то вышеуказанная тенденция заметна в работах С. И. Гольдфарба [2002], В. В. Шевцова [2012; 2013; 2015], Ю. Л. Мандрика [2013а; 2013б].

Проблемы взаимоотношений местных изданий с цензурным ведомством также поднимаются в рамках изучения истории печати как региона [Воробьев, 2003], так и отдельных городов [Жилякова, 2009; 2011; Миханев, 1998], а также вопросов взаимодействия местной власти и прессы [Морозова, 2009; Кузнецов, Аграфонов, 2014]. Несмотря на это, многие аспекты работы цензурного механизма в Сибири являются малоизученными.

Цель нашего исследования – выявить закономерности в отношениях местной цензуры к материалам сибирской прессы последней трети XIX – начала XX в., которые запрещались к печати, либо, уже будучи напечатанными, вызвали переписку представителей губернской администрации. В основе исследования лежит качественный и количественный анализ вышеуказанных материалов.

Среди публикаций, непосредственно затрагивающих нашу тему, можно отметить лишь две статьи: Ю. Л. Мандрика [2008], анализирующего цензурные гранки «Сибирского вестника» за 1888 г., и Н. В. Жиляковой [2016], исследующей содержание публикаций газеты «Сибирская жизнь» за 1897–1898 гг., вызвавших негативную оценку цензурного ведомства. Вместе с тем данная сторона вопроса представляет, на наш взгляд, значительный интерес.

Мы не умаляем роль личного фактора в цензуровании того или иного сибирского издания, но все же наша задача – найти общий подход лиц, осуществлявших надзор за печатью на местах, к тем материалам, которые поступали на цензурный просмотр; определить набор тем, привлекавших внимание, их количественное соотношение.

К сожалению, полный список материалов, обращавших на себя внимание местной цензуры, представить невозможно, так как цензурные полосы практически не сохранились. Однако отдельные корректурные листы сибирских газет и журналов, сохранившаяся в более полном виде переписка по их содержанию, а также судебные дела в отношении редакторов изданий позволяют решить эту проблему.

Источником для анализа служат 387 единиц материала 32 сибирских изданий (30 газет и 2 журнала) последней трети XIX – начала XX в., по которым удалось обнаружить цензур-

ную переписку. Полный список изданий и годы представлен в таблице. Мы не будем перечислять все номера изданий ввиду ограниченного объема статьи.

В перечне в основном присутствует частная пресса, которая в целом имела по отношению к местной администрации общий обличительный характер. Вместе с тем в списке значатся сибирские издания разной идейно-политической направленности, в том числе и частные правомонархические газеты («Сибиряк», «Сусанин»). Из официальных изданий – «Иркутские губернские ведомости», которые также временами выходили за определенные законодательством рамки.

Список сибирских изданий
и годы, по которым обнаружена цензурная переписка
List of Siberian Periodicals and Years of Discovered Censorial Correspondence

Наименование газеты / журнала (место издания)	Годы
«Сибирь» (Иркутск)	1876, 1879–1881, 1886, 1887
«Восточное обозрение» (с 1888 г., Иркутск)	1889–1901, 1904, 1905
«Сибирская газета» (Томск)	1881
«Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» (Томск)	1890, 1891, 1893, 1897, 1898
«Сибирский сборник» (с 1888 г., Иркутск)	1897
«Енисей» (Красноярск)	1898, 1903, 1904
«Сибирская жизнь» (Томск)	1898, 1900, 1904
«Забайкалье» (Чита)	1901, 1906
«Иркутские губернские ведомости» (неофициальная часть) (Иркутск)	1902
«Голос Сибири» (Красноярск)	1905, 1911, 1912
«Азиатская Русь» (Чита)	1905
«Байкал» (Троицкосавск)	1905, 1906
«Сибирские вести» (Красноярск)	1906
«Восточный край» (Иркутск)	1906
«Восточная Сибирь» (Иркутск)	1906
«Сибирские врачебные ведомости» (Красноярск)	1907
«Забайкальская новь» (Чита)	1907
«Летопись Забайкалья» (Чита)	1907
«Сибирь» (Иркутск)	1907, 1909, 1913, 1914
«Сибиряк» (Иркутск)	1907
«Якутский край» (Якутск)	1907, 1908
«Якутская жизнь» (Якутск)	1908, 1909
«Сусанин» (Красноярск)	1908
«Якутская мысль» (Якутск)	1909
«Русский Восток» (Иркутск)	1909
«Восточная заря» (Иркутск)	1909, 1910
«Сибирская мысль» (Иркутск)	1910
«Сибирское слово» (Иркутск)	1913
«Сибирская неделя» (Иркутск)	1913
«Сибирские новости» (Иркутск)	1913
«Якутская окраина» (Якутск)	1914
«Минусинский листок» (Минусинск)	1915

Поскольку правовое положение сибирской печати в результате принятия Временных правил 24 ноября 1905 г. существенно изменилось, целесообразным является провести анализ материалов отдельно: до и после указанного периода.

За первый период (последняя треть XIX в. – 24 ноября 1905 г.) в нашем распоряжении имеются 268 единиц материала таких изданий, как газета «Сибирь», «Восточное обозрение», «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Енисей», «Сибирская жизнь», «Забайкалье», «Иркутские губернские ведомости» и журнал «Сибирский сборник». Из них полнее всего представлены материалы «Восточного обозрения» – 194 единицы.

За единицу материала мы будем принимать отдельную жанровую единицу, служившую наполнением печатного номера. Среди попавших в поле зрения цензуры присутствуют разнообразные с точки зрения жанра материалы: новостные сообщения телеграфных агентств, информационные заметки, корреспонденции, судебные отчеты, информационные обзоры, статьи, фельетоны, стихотворения.

Результаты проведенного анализа позволяют говорить о наличии определенной закономерности в подходе местной цензуры к материалам, поступавшим на просмотр. Сибирская цензура в первую очередь обращала внимание на конкретные факты, в которых задевались интересы местных должностных лиц и государственных учреждений, упуская из виду общие рассуждения о недостатках существующих установлений и т. п. Об этой тенденции свидетельствует и то, что из всего количества выявленных материалов большинство с точки зрения жанровой специфики (77 %, или 207 единиц материала) составляют заметки и корреспонденции с мест, содержащие описания конкретных случаев, затрагивающих интересы местной власти.

Не случайно министр внутренних дел В. К. Плеве в секретном циркуляре, разосланном в 1902 г. всем губернаторам и начальникам областей по поводу невнимательного отношения провинциальных цензоров к своим обязанностям, писал, что, «относясь более или менее строго к оглашению сведений, известий и толков, касающихся местных происшествий и нужд, они обыкновенно упускают общее направление цензурируемых ими изданий»¹. Г. Н. Потанин в письме к Н. М. Ядринцеву также указывал на то, что главное затруднение при издании провинциальной газеты составляют «не идеи, не принципы, а намеки, обличения, частные интересы» [Потанин, 1987. С. 157]. И действительно, просматривая материалы, вызывавшие цензурную переписку, мы нашли совсем незначительное количество запрещенных к печати статей, содержащих общую критическую оценку тех или иных законоположений, государственных институтов.

Такой избирательный интерес к определенному роду материалам можно объяснить только «чувством самосохранения» со стороны местного чиновничества. Безусловно, забота о формировании и поддержании позитивного имиджа власти являлась важнейшей задачей государственных структур всех уровней. Однако местная цензура в первую очередь обращала внимание лишь на те материалы, которые могли принести наибольший ущерб, прежде всего, губернской администрации, стремящейся избежать не только репутационных рисков в виде публичной огласки нелицеприятных фактов о деятельности своих подчиненных, но и нежелательного внимания со стороны центральной власти.

По этой же причине местная цензура остро реагировала и на сообщения о различных слухах и происшествиях, которые могли поселить страх или недовольство среди населения, привести к волнениям и беспорядкам, а значит, опять же, вызвать нежелательный интерес центра. Охрана общественного спокойствия, служившего в немалой степени залогом стабильности политической системы, являлась другой важнейшей задачей государственной власти. Но и лишаться чиновничьего кресла тоже никто не хотел. Кстати, вышеуказанные сообщения также наносили урон авторитету местных властей, поскольку свидетельствовали о бездействии администрации, не предпринявшей своевременных мер по предотвращению происшествий или сведению к минимуму их последствий для населения.

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К-994. Д. 170. Л. 12.

Исходя из этой выявленной закономерности вырисовывается и тематика материалов сибирской прессы, обращавших на себя внимание местной цензуры.

Абсолютное большинство материалов (а таких найдено 252 единицы из 268, т. е. 94 %) содержало указание на конкретные факты злоупотреблений местных органов власти и управления. Условно их можно разделить на два блока.

Основным содержанием первого блока материалов являлась деятельность должностных лиц крестьянского и «иностранческого» управления, рассматривавшаяся, конечно, в негативном ключе.

Одна часть материалов фиксировала разнообразные должностные преступления и проступки местных чиновников. Так, в 38 материалах указаны факты превышения полномочий со стороны представителей местной власти в отношении населения. В основном они были связаны с насильственными действиями. К ним относятся сведения о побоях в полицейском участке и телесных наказаниях крестьян и «иностранцев» при сборе податей, эпизоды избияния рабочих на приисках и расправы над ссыльными, случаи рукоприкладства и применения грубой физической силы при расчистке дороги церковным служителям в храмах во время службы и при проезде высокопоставленных лиц. В подавляющем большинстве в представленных материалах фигурируют низшие чины сельской и городской полиции. Особенно часто объектом критики выступает иркутская городская полиция. Судя по переписке, иркутскому полицмейстеру постоянно приходилось писать донесения цензору и делать доклады по поводу поведения городских. К превышению власти относятся также факты самоуправства местных властей: вмешательство в составление общественных приговоров, незаконные аресты крестьян и т. п. В 1899 и 1900 гг. в подобных корреспонденциях появляются фигуры крестьянских начальников.

Шесть материалов содержат сведения о присвоении и растрате общественных денег и хлеба. Еще 6 прямо или косвенно указывают на взяточническую деятельность представителей власти. В 5 корреспонденциях описаны случаи вымогательства (например, взимание с населения денег на расходы по переписи в 1897 г.² или организация в 1898 г. сбора денег на подарок балаганскому окружному исправнику по случаю его юбилея)³. Должностные нарушения можно также зафиксировать в сообщениях об открытии без согласия общества и содержании местными властями питейных заведений, в том числе и в иностранческих ведомствах (3 единицы материала), бесплатных разъездах государственных служащих на обывательских лошадях (2 единицы материала), формализме чиновников и бюрократической волоките при рассмотрении дел (4 единицы материала), судебных ошибках (1 единица материала) и др.

Часть материалов (16 единиц) делала акцент на недостойном нравственном поведении должностных лиц. Заботясь о репутации, местные власти сразу реагировали на подобные сообщения. Тем более этого требовал и закон. Статья 1198 Устава о службе гражданской предписывала начальству осуществлять надзор «над поведением и обхождением» своих подчиненных, побуждая их «к добродетелям и похвальному любочестию» и «удерживая от безбожного жития, пьянства, лжи и обманов» [Свод законов..., 1857. Т. 3. С. 252]. Поэтому грубость, невежество, карточная игра, пьянство, бранные выражения и другие проявления неблагопристойного поведения служили предметом цензурной переписки. В поле зрения корреспондентов оказывались должностные лица различных уровней. Так, в № 1 газеты «Восточное обозрение» за 1894 г. запрещена к печати корреспонденция из с. Уян о повальном пьянстве на селе, в которой, между прочим, отмечается, что питейные заведения «усердно посещают сельские власти» [Сенина, 2010. С. 415]. Газета «Енисей» в № 67 за 1898 г. в одной из заметок сообщает читателям: в полицейскую часть «в состоянии полной невменяемости» доставлены унтер-офицер и ефрейтор красноярской конвойной команды⁴. В корреспонденции из Средне-Колымска газеты «Восточное обозрение» (1898 г., № 88) цензор

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К-988. Д. 101. Л. 65, 75.

³ Там же. К-989. Д. 110. Л. 88, 95, 198.

⁴ Там же. Л. 93–94.

вычеркнул строки о том, что исправник выиграл у чукчей 700 руб. в штос⁵. А корреспонденция из Якутска той же газеты (1898 г., № 36) не была пропущена в печать в связи с тем, что рассказывала о неподобающем поведении (грубая брань) высокопоставленного лица во время плавания на теплоходе «Громов», намекая тем самым на персону якутского губернатора⁶.

Ряд корреспонденций и заметок (всего 15 единиц) содержит негативную оценку должностных лиц в рамках их профессиональной деятельности. Например, полицейские чины подвергаются критике за сбор недоимок и, как следствие, ухудшение экономического положения сельских жителей, чины лесного ведомства – за бюрократические правила вырубки и вывоза леса, усложняющие жизнь населению, и т. п.

В рассматриваемых материалах встречаются нападки и на высший состав местной администрации. Однако они единичны. Критические замечания в адрес представителей губернаторского корпуса зафиксированы лишь в 13 материалах из 268. В большинстве своем они носят завуалированный характер и часто представлены в виде стихов, фельетонов, юмористических рассказов. Использование иносказательной формы открывало возможности для публикации. Отметим, что все имеющиеся в нашем распоряжении 14 единиц подобного жанра были пропущены в печать. Однако пропуск цензором такого рода сюжетов не проходил для газет без последствий. В 1890 г. в ряде фельетонов и корреспонденций «Восточное обозрение» высмеяло нового начальника Енисейской губернии Л. К. Теляковского, членов его семьи и приближенных к нему лиц, а также позволило негативные высказывания в адрес приамурского генерал-губернатора. За эту выходку газета была приостановлена на четыре месяца, а цензор уволен от занимаемой должности⁷. В 1897 г. за размещение в той же тональности материалов о енисейском губернаторе В. Л. Приклонском и вице-губернаторе А. Я. Зейделе издание «Сибирского вестника» было приостановлено на 8 месяцев⁸.

Содержательной частью второго блока материалов являлись сведения о различных беспорядках и происшествиях, прямо или косвенно указывающие на бездействие или недостаточно эффективную деятельность властей по устранению их негативных последствий для населения.

Значительный массив материалов (всего 48 единиц) включает сообщения о народных бедствиях, как то: болезни, принявшие эпидемический характер; эпизоотии и массовые падежи скота; неурожай трав и бессеница и, как следствие, тяжелое экономическое положение крестьянского и «иногородческого» населения, голод и увеличение смертности. Эти факты бросали тень на местную администрацию, как не предпринявшую своевременных мер для предотвращения масштабных трагедий, а также могли способствовать возникновению панических настроений и беспорядков среди жителей, а потому были нежелательны для нее с точки зрения публичной огласки. В ряде заметок находим прямые указания на недостаточность или отсутствие помощи населению со стороны властей. Встречаемые в материалах фразы: от эпидемии скарлатины «умирают массажи»⁹, «ждут холеру... жгут назьмы... сожгли одну деревню»¹⁰, «деятельность властей до сих пор выразилась в указании владельцам следить за скотом и сообщать о случаях падежа»¹¹, помощь голодающим дана «как мертвому кадо»¹² и др. не только обращали внимание местной цензуры, но и, как правило, запрещались к печати.

Почти половина вышеуказанных материалов (20 единиц) относится к 1897 и 1898 гг. Отметим, что именно в 1897 г. Министерство внутренних дел запретило до появления официальной информации публиковать сведения о появлении чумных и других эпизоотий. А в 1898 г.

⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К-989. Д. 110. Л. 264.

⁶ Там же. Л. 81–82.

⁷ Там же. Оп. 1. К-98. Д. 7. Л. 5, 26, 36–40.

⁸ Там же. Оп. 3. Д. 149. Л. 1–12.

⁹ Там же. Ф. 32. Оп. 1. К-88. Д. 1994. Л. 39–45.

¹⁰ Там же. Ф. 25. Оп. 30. К-1394. Д. 16. Л. 32–33.

¹¹ Там же. Оп. 10. К-989. Д. 110. Л. 125.

¹² Там же. Л. 357–363.

вышло дополнительное распоряжение с запретом публикации сообщений о распространении эпидемии в России¹³.

Рабочий вопрос мало представлен в материалах цензурной переписки этого периода. Сведения о тяжелых условиях труда приисковых рабочих, случаи забастовок и столкновений последних с казаками и полицией отражены лишь в трех корреспонденциях. И еще одна статья А. П. Щапова «Что такое рабочий народ в Сибири?» (№ 11 газеты «Сибирь» за 1876 г.) проводит мысль о невыносимом положении рабочего класса в Сибири в целом и эксплуатации его капиталистами¹⁴.

Равнодушие и попустительство сибирских чиновников также отмечается в корреспонденциях о тяжелом положении переселенцев, взаимоотношениях русских и «инородцев».

В этой же тональности написана еще одна часть материалов (всего 33 единицы), описывавшая конкретные случаи краж, разбоя, убийств, побегов из тюрьмы. В них обязательно подчеркивалось, что количество преступлений неуклонно растет. Обвинения в бездействии местных властей и особенно полиции ярко прослеживаются в таких замечаниях авторов, как «по улицам открыто разгуливают воры»¹⁵, «городовых поблизости не оказалось»¹⁶, «на крики о помощи, грабят, никто из 3 полицейской части не вышел»¹⁷, «...несмотря на частые... грабежи, местная администрация даже не додумается устроить обходы, даже нет ночных караульных»¹⁸ и т. д. Поэтому неудивительным является тот факт, что 12 марта 1901 г. Главное Управление по делам печати разослало всем губернаторам циркуляр за № 2099, согласно которому временно было запрещено публиковать статьи и известия, порицающие и «враждебно настраивающие читателей против полиции»¹⁹.

Материалы о неудовлетворительной работе государственных учреждений (всего 30 единиц), прежде всего, не входящих в аппарат управления и служащих нуждам населения, также косвенным образом свидетельствовали против местной администрации, как показатель халатности и отсутствия надзора за их деятельностью со стороны чиновников. В большинстве случаев речь шла о конкретных образовательных и медицинских учреждениях. В первых нарушения в основном касались плохого питания, отсутствия отопления в классах, невыплаты жалованья учителям и наличия телесных наказаний: во вторых – сводились к несвоевременному оказанию или неоказанию медицинской помощи, постановке неправильных диагнозов, плохим условиям содержания больных, низкому нравственному уровню медицинского персонала. Небольшая часть заметок была посвящена беспорядкам на железной дороге. В 1897–1898 гг. в поле зрения цензуры оказываются корреспонденции, критикующие работу почтово-телеграфного ведомства (огромные очереди, медленность работы телеграфа и т. п.). Именно в 1897 г., учитывая рост вышеуказанных сообщений в сибирской прессе, министр внутренних дел дал указание «подобные статьи, дискредитирующие это ведомство, не допускать к печати»²⁰. Как видим, тематика выявленных материалов соприкасалась с тем перечнем запретов, которые публиковало из года в год Министерство внутренних дел.

Одна заметка из представленных материалов посвящена работе такого учреждения в структуре местной власти, как Иркутский окружной суд, и повествует о нелегких условиях службы самих чиновников (большой объем работы, отсутствие перерывов, плохое питание). Признавая достоверность сообщаемых в ней сведений, Председатель Иркутского окружного суда счел невозможным ее публикацию в печати, поскольку та «может привести к недовольству служащих»²¹. Оглашение информации об отсутствии заботы власти не только о населении,

¹³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К-990. Д. 119. Л. 35.

¹⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 9. К-2038. Д. 176. Л. 22–24.

¹⁵ Там же. Ф. 32. Оп. 1. К-88. Д. 1994. Л. 39–45.

¹⁶ Там же. Ф. 25. Оп. 10. К-1015. Д. 948. Л. 3–6.

¹⁷ Там же. К-988. Д. 110. Л. 328.

¹⁸ Там же. Д. 109. Л. 141–142.

¹⁹ Там же. К-990. Д. 119. Л. 88.

²⁰ Там же. К-988. Д. 101. Л. 168.

²¹ Там же. К-989. Д. 110. Л. 279.

но и о своих подчиненных могло нанести ей репутационный ущерб, вызвав недопустимые волнения в ее рядах, а потому было также в списке запретных тем.

Обращает на себя внимание тот факт, что в поле зрения цензуры мало материалов относительно злоупотреблений церковной администрации (всего восемь единиц). Их содержание разнопланово: от описания случаев безнравственного поведения сельских священников (игра в карты, участие в драке и т. п.) до сведений о тяжелом земельном положении крещеных бурят и плачевном состоянии церковно-приходских школ в Якутской области. Большая часть из них была запрещена к печати, и всегда в тех случаях, когда действия цензора согласовывались с мнением служителей церкви. По меткому выражению Ю. Л. Мандрика, в этом отношении священнослужители имели «охранную грамоту» [2008. С. 112].

Характер злоупотреблений должностных лиц в некоторых материалах не удалось установить. Несмотря на это, в целом можно сказать: на первом месте по числу обращаемых на себя внимание со стороны цензуры материалов были корреспонденции и заметки, содержащие сообщения о халатности и бездействии властей. На втором месте идут описания случаев превышения властных полномочий.

Только 16 материалов, вызвавших цензурную переписку, освещают вопросы общего характера. В подавляющем большинстве это статьи. Они содержат критику различных законодательных норм (городовое положение Иркутска), негативную оценку реализации государственных программ среди населения (проведение землеустройства в Восточной Сибири); проекты и предложения, идущие вразрез с официальной политикой (организация сети «инородческих» школ с преподаванием на родном языке и открытие доступа бурятам в высшие учебные заведения) и т. п. Более серьезные вопросы, связанные с изменениями государственного устройства, даны лишь в одной статье, запрещенной к размещению в № 144 за 1897 г. «Восточного обозрения», представляющей собой перепечатку из «Биржевых ведомостей» с воспоминаниями доктора Белоголового о проекте М. Т. Лорис-Меликова 1881 г.²²

В этой группе материалов отметились и «Иркутские губернские ведомости». В 1902 г. в передовой статье (№ 41) издание позволило себе указать на некоторые недостатки крестьянской реформы 1861 г. и выразить надежду на исправление их в будущем. По словам начальника Главного управления по делам печати кн. Н. В. Шаховского, газета не только вышла за обозначенные ей законом рамки, в ней были «высказаны суждения... не соответствующие политике правительства... служащие отголоском мнений частных газет либерального направления»²³. Только заступничество иркутского губернатора спасло редактора губернских ведомостей от увольнения от занимаемой должности²⁴.

В материалах этого периода революционная тематика не встречается. Исключением могла бы стать публикация в 1881 г. газетой «Сибирь» стенографического отчета о суде над народолюбцами, искусно скомпонованного путем подбора отдельных выдержек таким образом, чтобы создать у читателей позитивный образ революционеров. Однако местная цензура не обратила на него внимание. Зато оно появилось у министра внутренних дел, потребовавшего «привести газету в законные рамки»²⁵.

Большой содержательной разницы между запрещенным материалом и пропущенным в печать, вызывавшим затем переписку местной администрации, нет, как нет существенной разницы и в количественном отношении. 100 материалов были запрещены; 126 – пропущены; 28 – пропущены частично, в урезанном виде; в отношении 13 действия цензуры не удалось установить. Отсутствие различий между пропущенным и не пропущенным в печать материалом доказывает ранее высказывавшиеся выводы о том, что плохо отлаженный механизм работы местной цензуры приводил к тому, что один и тот же материал в один день разрешался к печати, а в другой мог быть не допущен [Гольдфарб, 2002. С. 156].

²² ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К-988. Д. 109. Л. 93.

²³ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 131. Л. 19 об.

²⁴ Там же. Л. 20.

²⁵ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 922. Л. 57–58.

За второй период, начиная с 24 ноября 1905 г., в нашем распоряжении имеются 119 материалов различной жанровой направленности. Их качественный и количественный состав несколько отличается от материалов предыдущего периода.

Несмотря на то, что по-прежнему присутствуют заметки и корреспонденции, сообщающие читателям о разнообразных преступлениях и проступках конкретных должностных лиц (в содержательном плане спектр этих злоупотреблений ничем не отличается от первого периода), их количество незначительно (всего найдено 20 единиц материала). Большую же часть представляют статьи, содержащие общие рассуждения о недостатках государственного строя (всего 89 единиц, или 75 %). Такое изменение количественного соотношения материалов происходит за счет появления революционной тематики (76 единиц). Она присутствует в представленных материалах в основном за 1905 и 1906 гг., что является закономерным, учитывая накал революционной борьбы в эти годы. Материалы с революционной тематикой, обратившие внимание цензуры, включают в себя сообщения о проходящих съездах и митингах партий левого толка, изложение принятых на них программ, манифестов, революционных речей с призывом к свержению правительства, отказу от государственных платежей и исполнения воинской повинности; сведения о произведениях поэтов-социалистов и др.

В отличие от предыдущего периода рабочий вопрос здесь рассматривается в рамках революционной темы. Главный акцент делается не на простой констатации фактов тяжелого положения рабочего класса и бездействии власти, а на борьбе рабочих с буржуазией с помощью стачек и забастовок, создании различного рода комитетов с революционными задачами.

Помимо вышеуказанной тематики в статьях общего характера (всего 13 единиц) присутствует негативная оценка деятельности правительства и III Государственной Думы, содержится критика судебной системы и политических репрессий, в том числе и в отношении прессы, поднимаются такие вопросы, как национальный, вопросы городского самоуправления, вопрос о земстве в Сибири и др. Деятельность православной церкви отражена в материалах цензурной переписки лишь в одной статье.

Сравнивая оба периода, можно заметить разницу не только в количественном и качественном составе представленных материалов, но и в действиях цензуры по отношению к ним. Их анализ за первый период показывает, что по содержанию заметок и корреспонденций, даже тех, которые не были пропущены в печать, в большинстве случаев проводилась проверка, которая могла в случае необходимости перерасти в полноценное следствие. Если информация о каких-либо должностных нарушениях подтверждалась, чиновнику грозило наказание в зависимости от тяжести преступления от небольшого дисциплинарного взыскания до увольнения с занимаемой должности и судебного разбирательства. Вот лишь несколько эпизодов эффективности использования местной администрацией материалов сибирских изданий. В газете «Сибирь» за 1876 г. не была пропущена корреспонденция из Енисейского округа, в которой сообщалось о наказании местным участковым заседателем розгами пожилого крестьянина за неуплату недоимки. В результате проведенного расследования представитель сельской власти был предан суду и уволен с занимаемой должности²⁶. В № 13 от 22 января 1897 г. в газете «Восточное обозрение» не была разрешена к печати заметка из Черемхово, Балаганского округа о росте грабежей и убийств. Однако уже 3 февраля было отдано распоряжение об учреждении ночных разъездов по дорогам в целях предупреждения преступлений²⁷. В том же году к публикации в № 34 той же газеты были запрещены стихи «Школьная быль», свидетельствовавшие о плачевном положении бирюльского училища Верхотенского округа Якутской области по вине местных властей (отсутствие дров, невыплата жалования учителю). Результатом проведенного дознания стало устранение всех вышеуказанных нарушений. На сельского старосту было наложено взыскание в виде ареста

²⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К-2038. Д. 176. Л. 67, 83–85.

²⁷ Там же. Ф. 25. Оп. 10. К-988. Д. 101. Л. 68, 98, 99.

на пять суток. Земскому заседателю 1-го участка округа по приказанию иркутского генерал-губернатора был сделан выговор²⁸.

Письменные запросы о проверке достоверности сообщений и принятых мерах по устранению беспорядков в случае подтверждения фактов отправлялись и первым лицам территории, и начальникам, возглавляющим отдельно взятые государственные учреждения и структуры.

По поводу некоторых пропущенных в печать статей и заметок следовало письменное обращение цензора к соответствующим начальствующим лицам с просьбой обратить внимание на данные публикации.

Некоторые представители высшего корпуса местной администрации понимали ту несомненную пользу, которую могла оказать сибирская пресса в деле повышения эффективности управления краем. Так, иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин «просил приносить ему гранки, говоря, что даже если материалы не пойдут в печать по цензурным соображениям, благодаря им он будет лучше знать положение края и при необходимости сможет принимать меры» [Кузнецов, 2010. С. 77]. О внимании генерал-губернатора к излагаемым в корректурных листах проблемам говорят следующие примеры. По поводу не пропущенной в № 7 «Восточного обозрения» за 1898 г. статьи о неправильном распределении врачей и фельдшеров в Иркутской губернии, в результате чего Урик с пятью деревнями лишился даже фельдшера, А. Д. Горемыкин попросил предоставить план Иркутского округа с обозначением границ участков врачей²⁹. В № 13 газеты он не только разрешил к печати статью из Усоля о вреде открытия для населения частных кабаков, но и обратился к министру государственных и земельных имуществ с письменной просьбой прекратить выдачу разрешений на открытие в поселении новых увеселительных заведений подобного типа³⁰.

Также отметим присутствие сравнительно небольшого количества судебных дел в отношении редакторов по отношению к общей массе представленных материалов в этот период. Мы нашли лишь 21 эпизод, по которому редакторы газет и журналов были привлечены к уголовной ответственности в судебном порядке. Возбуждение уголовных дел в основном происходило по инициативе «обиженных» сибирской прессой должностных лиц.

С 1905 г. ситуация меняется. Действия цензуры в основном носят карательный характер. Из 119 материалов лишь в отношении двух проведена проверка достоверности их содержания. В большинстве же случаев редакторы привлечены к судебному разбирательству, которое становится основным принципом работы цензуры. Результатом большинства судебных дел в этот период являются обвинительные приговоры, по которым редакторы подвергнуты аресту, тюремному заключению или административным штрафам. Во всех случаях номера газет арестованы; в некоторых приостановлен выпуск самого издания до вынесения судебного решения.

Анализ действий цензуры, исходя из представленных материалов, подтверждает ранее высказывавшуюся мысль о том, что отношение местной администрации к сибирской прессе менялось в разные периоды. Если до 1905 г. оно носило двойственный характер: присутствовали не только контроль и запреты, но и моменты сотрудничества, например, в деле раскрытия должностных преступлений, решения проблем населения, помощи в предоставлении точных сведений о различных аспектах народной жизни и т. п., то в 1905 г. стало открыто враждебным. Революционные выступления заставили администрацию усмотреть в печати, оппозиционной власти, реальную угрозу существующему государственному порядку и предпринять ответные меры по установлению контроля над ней [Гимельштейн и др., 2007. С. 101].

Таким образом, до 1905 г. местная цензурная практика имела свои характерные черты, сводившиеся к повышенному вниманию к конкретным фактам, задевающим интересы местной власти, и незначительному – к общим рассуждениям критического характера, содержав-

²⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К-988. Д. 10. Л. 115.

²⁹ Там же. Д. 109. Л. 33–34, 42.

³⁰ Там же. Л. 82.

шимся в материалах сибирской прессы. Данную закономерность можно объяснить, тем, что цензура обращала свой взор в первую очередь на те сведения, которые могли нанести наибольший репутационный ущерб именно местной администрации, вызвать беспорядки и волнения на местах и тем самым привлечь нежелательное внимание со стороны центра. Обвинения в бездействии и халатности сибирских чиновников и превышении должностных полномочий являлись самыми распространенными темами сообщений, которые попадали в поле зрения цензоров. Плохо отлаженный механизм работы цензуры приводил к тому, что тематика не разрешенных и пропущенных в печать материалов существенно ничем не отличалась между собой. С 1905 г. внимание местной цензуры смещается в сторону статей общей критической направленности. Количество последних за счет появления в этот период революционной тематики резко увеличивается и преобладает над материалами с описанием конкретных фактов злоупотреблений властей.

Местная цензурная практика на протяжении второй половины XIX – начала XX в. претерпевала существенные изменения и под воздействием ряда факторов общероссийского значения (ситуация в стране, государственная политика и, соответственно, законодательство в отношении печати и др.). В пореформенный период сибирская пресса рассматривалась местной администрацией не только в качестве объекта контроля, но и временного помощника в деле повышения эффективности управления краем. Поэтому в действиях цензуры наблюдаются не только запреты, но и всяческие проверки и расследования по фактам, изложенным в корректурных листах. После 1905 г. местная пресса, оппозиционная власти, воспринимается в связи с революционными событиями как угроза стабильности государственной системы. Соответственно, все действия цензурного механизма, в том числе и в Сибири, направлены на усиление контроля над ней. Отсюда и резкое увеличение судебных дел в отношении редакторов, и меры административного воздействия.

Полученные в результате исследования выводы помогут в изучении проблем, связанных с особенностями освещения сибирскими изданиями тем, затрагивающих интересы местной администрации. Также основой для дальнейших исследований должно быть последовательное решение двух вопросов. Первый: являются ли выявленные закономерности в сибирской цензурной практике местной особенностью или это общий подход, характерный и для высшей цензурной инстанции. Второй вопрос: если это все же местная особенность, то является ли она специфической чертой Сибири, или ее можно отнести к провинции в целом.

Список литературы

- Блохин В. Ф.** Провинция газетная: Государственное управление периодической печатью и становление печатного дела в российской провинции (1830-е – 1870-е гг.). Брянск: Курсив, 2009. 384 с.
- Воробьев В. В.** Либерально-буржуазная печать Сибири в общественно-политической жизни края в 1907–1914 гг. Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. 124 с.
- Гимельштейн А. В., Дамешек Л. М., Сенина Е. А.** Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.). Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. 320 с.
- Гольдфарб С. И.** Газетное дело в Сибири: Первая половина XIX – начало XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2002. 312 с.
- Гринченко Н. А.** Цензурное ведомство и его чиновники (1804–1863 гг.) // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. СПб., 2013. С. 192–227.
- Жилякова Н. В.** Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск: Изд-во ТГУ, 2011. 446 с.
- Жилякова Н. В.** «Сибирская печать вообще отличается пессимистическим направлением...»: цензурная оценка публикаций «Сибирской жизни» конца XIX века // Век информации. СПб., 2016. № 3. С. 11–19.

- Жилякова Н. В.** Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894–1919, г. Томск) // Вестник ТГУ. Сер. Филология. 2009. № 3. С. 102–115.
- Жирков Г. В.** История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект-Пресс, 2001. 368 с.
- Кузнецов А. А.** Из истории взаимодействия чиновников МВД и периодической печати Восточной Сибири во второй половине XIX века // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2010. № 4 (55). С. 68–81.
- Кузнецов А. А., Аграфонов М. Ю.** Чиновники и периодическая печать Восточной Сибири во второй половине XIX века. Контроль и сотрудничество // Изв. ИГУ. Серия: История. 2014. Т. 9. С. 72–77.
- Мандрика Ю. Л.** Провинциальная частная печать и цензура // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2008. № 1. С. 109–120.
- Мандрика Ю. Л.** Цензура как регулятор идеологических рисков гласности (практика применения законодательства о печати в сибирской провинции в XIX в.) // Тр. ГПНТБ СО РАН. 2013а. № 3. С. 9–26.
- Мандрика Ю. Л.** Цензура поэтики и поэтика цензуры: коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX – начала XX в. в жанре patchword. Тюмень, 2013б. Ч. 1. 300 с.
- Миханев А. П.** Периодическая печать Красноярска в общественно-политической жизни Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1998. 181 с.
- Морозова Н. Н.** Администрация Западной Сибири и местная пресса (1857–1866 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 32 с.
- Патрушева Н. Г.** Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013. 620 с.
- Сенина Е. А.** Цензурные условия репрезентации образа власти на страницах газеты «Восточное обозрение» // Материалы Всерос. науч. конф. «Сибирское общество в контексте мировой и российской истории (XIX–XX вв.)», посвящ. 200-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. Иркутск, 2010. С. 413–418.
- Шевцов В. В.** «Пасынок сибирской печати»: неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» 1900–1919 годов // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2013. № 2 (12). С. 40–53.
- Шевцов В. В.** «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 2012. 414 с.
- Шевцов В. В.** Цензурная практика в отношении губернских ведомостей в Сибири // Цензура в России: История и современность: Сб. науч. тр. СПб., 2015. Вып. 7. С. 192–205.

Список источников

- Потанин Г. Н.** Письма: В 5 т. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987. Т. 1. 280 с.
- Свод законов Российской империи: В 34 т. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1857. Т. 3: Уставы о службе гражданской. 1416 с.

References

- Blokhin V. F.** Provintsiya gazetnaya: Gosudarstvennoe upravlenie periodicheskoi pechat'yu i stanovlenie pechatnogo dela v rossiiskoi provintsii (1830-e – 1870-e gg.) [Newspaper Province: State Control of Periodicals and Formation of Printing in the Russian Province of the 1830s – 1870s]. Bryansk, Kursiv Publ., 2009, 384 p. (in Russ.)
- Goldfarb S. I.** Gazetnoe delo v Sibiri: Pervaya polovina XIX – nachalo XX v. [Newspaper Business in Siberia: First Half of 19th – the Beginning of 20th Century]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002, 312 p. (in Russ.)

- Grinchenko N. A.** Tsenzurnoe vedomstvo i ego chinovniki (1804–1863gg.) [Censorship Department and its Officials (1804–1863)]. In: Tsenzura v Rossii: istoriya i sovremennost' [Censorship in Russia: History and Modernity]. Collected Papers. St. Petersburg, 2013, p. 192–227. (in Russ.)
- Himelstein A. V., Dameshek L. M., Senina E. A.** Obraz “inorodtsev” na stranitsakh sibirskoi periodicheskoi pechati (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The Image of “Inorodets” on the Pages of the Siberian Periodical Press (Second Half of 19th – Early 20th Century)]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya, 2007, 320 p. (in Russ.)
- Kuznetsov A. A.** Iz istorii vzaimodeistviya chinovnikov MVD i periodicheskoi pechati Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX veka [From the History of Interaction between Officials of the Ministry of Internal Affairs and Periodicals of Eastern Siberia in the Second Half of 19th Century]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii* [Bulletin of Eastern-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2010, no. 4 (55), p. 68–81. (in Russ.)
- Kuznetsov A. A., Agrafonov M. Yu.** Chinovniki i periodicheskaya pechat' Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX veka. Kontrol' i sotrudnichestvo [Officials and Periodicals of Eastern Siberia in the Second Half of the 19th Century. Control and Cooperation]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History], 2014, vol. 9, p. 72–77. (in Russ.)
- Mandrika Yu. L.** Provintsial'naya chastnaya pechat' i tsenzura [Provincial Private Press and Censorship]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistsika* [Bulletin of Moscow University, series 10: Journalism], 2008, no. 1, p. 109–120. (in Russ.)
- Mandrika Yu. L.** Tsenzura kak regulyator ideologicheskikh riskov glasnosti (praktika primeneniya zakonodatel'stva o pechati v sibirskoi provintsii v XIX v.) [Censorship as a Regulator of the Ideological Risks of Transparency (Practical Experience of Applying Legislation about the Press in Siberia in the 19th Century)]. *Trudy Gosudarstvennoi publicnoi nauchno-tehnicheskoi biblioteki SO RAN* [Works of the State Public Scientific and Technical Library, Siberian Branch of Russian Academy of Science], 2013, no. 3, p. 9–26. (in Russ.)
- Mandrika Yu. L.** Tsenzura poetiki i poetika tsenzury: kolleksiya svedenii o sibirskoi chastnoi pechati kontsa XIX – nachala XX v. v zhanre patchword [Censorship of Poetics and Poetics of Censorship: Data Collection about the Siberian Private Press of the Late 19th – Early 20th Century in the Genre of Patchword]. Tyumen, 2013, pt. 1, 300 p. (in Russ.)
- Mikhanev A. P.** Periodicheskaya pechat' Krasnoyarska v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Eniseiskoi gubernii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Periodicals of Krasnoyarsk in Public and Political Life of the Yenisei Province in the Second Half of 19th – Beginning of 20th Centuries]. Dissertation of Cand. Hist. Sci. Krasnoyarsk, 1998, 181 p. (in Russ.)
- Morozova N. N.** Administratsiya Zapadnoi Sibiri i mestnaya pressa (1857–1866 gg.) [Western Siberia Administration and the Local Printed Media (1857–1866)]. Abstract of Dissertation of Cand. Hist. Sci. Novosibirsk, 2009, 32 p. (in Russ.)
- Patrusheva N. G.** Tsenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoi sisteme Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Censorship Department in the State System of Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. St. Petersburg, Severnaya zvezda, 2013, 620 p. (in Russ.)
- Senina E. A.** Tsenzurnye usloviya reprezentatsii obraza vlasti na stranitsakh gazety “Vostochnoe obozrenie” [Censorship Conditions for Representation of the Image of Power on the Pages of the Newspaper “Eastern Review”]. In: Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii “Sibirskoe obshchestvo v kontekste mirovoi i rossiiskoi istorii (XIX–XX vv.)”, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya general-gubernatora Vostochnoi Sibiri N. N. Murav'eva-Amurskogo [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference “Siberian Society in the Context of the World and Russian History (19th – 20th Centuries)”, Dedicated to the 200th Birthday Anniversary of the Governor-General of Eastern Siberia N. N. Muravyov-Amursky]. Irkutsk, 2010, p. 413–418. (in Russ.)

- Shevtsov V. V.** “Pasynok sibirskoi pečati”: neofitsial’naya chast’ “Irkutskikh gubernskikh vedomostei” 1900–1919 godov [“Stepson of the Siberian Press”: Informal Part of the “Irkutsk Provincial Sheets” 1900–1919]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences], 2013, no. 2 (12), p. 40–53. (in Russ.)
- Shevtsov V. V.** “Tomskie gubernskie vedomosti” (1857–1917 gg.) v sotsiokul’turnom i informatsionnom prostranstve Sibiri [“Tomsk Provincial Sheets” (1857–1917) in the Sociocultural and Information Space of Siberia]. Tomsk, Izdatel’stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, 414 p. (in Russ.)
- Shevtsov V. V.** Tsenzurnaya praktika v otnoshenii gubernskikh vedomostei v Sibiri [Censorship Practice towards Provincial Records of Siberia]. In: Tsenzura v Rossii: Istoriya i sovremenost’ [Censorship in Russia: History and the Present]. Collected papers. St. Petersburg, 2015, iss. 7, p. 192–205. (in Russ.)
- Vorobyev V. V.** Liberal’no-burzhuaznaya pečat’ Sibiri v obshchestvenno-politicheskoi zhizni kraja v 1907–1914 gg. [Liberal Bourgeois Press of Siberia in the Social-and Political Life of the Region in 1907–1914]. Omsk, Izdatel’stvo Omskogo universiteta, 2003, 124 p. (in Russ.)
- Zhilyakova N. V.** “Sibirskaya pečat’ voobshche otlichaetsya pessimisticheskim napravleniem...”: tsenzurnaya otsenka publikatsii «Sibirskoi zhizni» kontsa XIX veka [“The Siberian Press in General is Characterized by Pessimistic Direction...”: Censorship Assessment of Publications of «The Siberian Life» in the End of the 19th Century]. In: Vek informatsii [Age of Information]. St. Petersburg, 2016, no. 3. p. 11–19. (in Russ.)
- Zhilyakova N. V.** Tsenzurnaya istoriya gazety “Sibirskaya zhizn” (1894–1919, g. Tomsk) [History of Censorship towards Newspaper “Siberian Life” (1894–1919, Tomsk)]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Seriya Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Journal of Philology], 2009, no. 3, p. 102–115. (in Russ.)
- Zhilyakova N. V.** Zhurnalistika goroda Tomsk (XIX – nachalo XX veka): stanovlenie i razvitie [Journalism in Tomsk (19th – Beginning of 20th Century): Formation and Development]. Tomsk, Izdatel’stvo Tomskogo universiteta, 2011, 446 p. (in Russ.)
- Zhirkov G. V.** Istoriya tsenzury v Rossii XIX–XX vv. [History of Censorship in Russia in 19th – 20th Centuries]. Moscow, Aspekt-Press, 2001, 368 p.

Sources

- Potantin G. N.** Pis’ma [Letters]. In 5 vols. Irkutsk, Izdatel’stvo Irkutskogo universiteta, 1987, vol. 1, 280 p. (in Russ.)
- Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Digest of Laws of the Russian Empire]. In 34 vols. St. Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1857, vol. 3: Ustavy o sluzhbe grazhdanskoi [Statutes of the Civil Service], 1416 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

15.03.2019

Сведения об авторах

Невмержицкая Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета (ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия)
senina-elena@yandex.ru

Рабинович Владимир Юльевич, кандидат исторических наук, зав. кафедрой рекламы факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета (ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия)
rabinovichv@mail.ru

Information about the Authors

Elena A. Nevmerzhitskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Advertising Department of the Faculty of Service and Advertising, Irkutsk State University (1 Karl Marx Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation)
senina-elena@yandex.ru

Vladimir Yu. Rabinovich, Candidate of Historical Sciences, the Head of Advertising Department of the Faculty of Service and Advertising, Irkutsk State University (1 Karl Marx Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation)
rabinovichv@mail.ru